

УЖАС И КРАСОТА

Текст

Владимир Веретенников

Иллюстрация

Софья Левина

Бабочки обитают почти на всей планете и издревле привлекали человека своим необычным видом и тройным циклом перерождения, что нашло отражение в культурах многих народов. Есть еще одно интересное свойство этих маленьких чешуекрылых. Если смотреть издали на бабочку, порхающую над цветком, она кажется хрупкой и красивой. Но если увидеть это насекомое в непосредственной близости, то можно в ужасе отшатнуться – подобно Эдгару По, посвятившему один из своих страшных рассказов именно бабочке. Такая двойственность отражена и в массовом восприятии: если одни видят в бабочках олицетворение прекрасного, то другие воспринимают их символом невыразимого ужаса.

ПОРХАЯ МЕЖДУ МИРАМИ

Первое чувство, которое возникает у человека при взгляде на беззаботно порхающую бабочку, – ощущение нереальной легкости ее полета. Сама же бабочка кажется существом бесплотным, призрачным. Неудивительно, что это насекомое издавна считалось символом человеческой души. Так, например, древнегреческую богиню души Психею изображали с крыльями бабочки. Когда возлюбленная Эроса Психея, изначально рожденная смертной женщиной, по воле богов Олимпа освободилась от земной бранны, ей дали эти крылья, чтобы она могла свободно летать, не обремененная атрибутами смертности. Древнегреческое слово «бабочка» – ψυχή (psūchē), что в первую очередь означает «душа» или «ум».

Считалось, что богиню Психею можно увидеть в образе мотылька, вылетающего из погребального костра. В этом веровании можно увидеть другую важную функцию чешуекрылых: в мифологической картине многих народов они выступают в роли посредников между двумя мирами – миром живых и загробным миром. Так, ацтеки верили, что души покойников, приняв облик красивых бабочек, время от времени навещают своих родственников, дабы заверить, что у них все хорошо. Похожих воззрений придерживались и в Японии, где было принято опасаться белых бабочек – люди считали, что их появление предвещало смерть кого-то из близких. Белая бабочка, производящая впечатление прозрачности и бесплотности, вос-

принималась как душа умершего, пришедшая позвать кого-то за собой.

Средневековые ирландцы полагали бабочек человеческими душами, ожидающими прохождения через чистилище. Поэтому убийство бабочек в высшей степени не одобрялось, в особенности – уничтожение белых бабочек: они считались душами умерших детей. Такого же мнения придерживались англичане – и поэтому они верили, что человек, убивший первую бабочку, которую он увидит весной, столкнется с годом неудач. Кстати, английский и ирландский средневековый фольклор сближал бабочек с так называемым «маленьким народцем» («фейри»), живущим рядом с людьми, но в то же время в своем собственном потустороннем мире – феями, гномами, эльфами. Недаром до того, как Дж. Р. Р. Толкин создал обитателей Валинора, эльфов любили изображать коварными малютками с роскошными бабочкиными крыльями за спиной.

Славяне тоже придерживались верования, что бабочка – переродившаяся душа. У поляков, в частности, имелось поверье, что душа покидает тело умирающего в облике этого насекомого. В свою очередь, болгары считали, что душа умершего на сороковой день временно возвращается в родной дом в обличье бабочки или мухи. На Руси при виде бабочки или мотылька говаривали: «Вот чья-то душка летает...»

У народов Приамурья и Дальнего Востока бабочка, наряду с птицей, считалась символом жизни. Нанайцы и ульчи изображали бабочек на спинах свадебных халатов – там крылатое насекомое выступало символом небесного, Верхнего мира. Они же вышивали бабочек на детских одеждах и налобных повязках – в качестве оберега, способного защитить ребенка от злых сил. Похожую «функцию» бабочка исполняет у североамериканских индейцев – у них есть поверье, что можно на-

**ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ СЛОВО,
ОЗНАЧАЮЩЕЕ БАБОЧКУ,
В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ
ОЗНАЧАЕТ «ДУША», «УМ»**

шептать бабочке свои желания, а та уж потом отнесет их в небеса, прямо к Великому Духу.

БАБОЧКА ПРОСНУЛАСЬ

Уже в неолите у людей появилось представление о душе, которая «отлетает» от брэнного тела. Поэтому сравнение человека с бабочкой напрашивалось само собой. Люди издавна присматривались к чешуекрылым – поражаясь тому необычному пути, который совершают в течение своей жизни представители отряда *Lepidóptera*. Будущие бабочки появляются на свет в виде яйца, которое потом развивается в гусеницу. Гусеница ведет наземный образ жизни: медленно ползая, извиваясь всем телом, проходя через несколько линек, выделяя шелковое волокно – она ничем не напоминает то стремительное крылатое насекомое, которым ей предстоит стать. По прошествии определенного срока гусеница трансформируется в куколку и прячется в кокон. А потом кокон прорывается – и наружу выходит полноценная крылатая бабочка. Это легкокрылое создание с кажущейся беззаботностью пляшет над землей и порою возносится прямо к небесам.

Подобные метаморфозы не могли не поражать – особенно человека с магическим сознанием, чье религиозное развитие не вышло еще за пределы анимистической фазы. Уже с древности обнаруживается двойственное отношение к бабочкам – и этот дуализм соответствует разным стадиям жизни насекомого. Гусениц воспринимали строго отрицательно – их боялись, как вредителей, пожирающих посевы. Это отношение перешло и в Средневековье: садовник у Шекспира в «Ричарде II» жалуется на гусениц, изъедающих плодородные прежде сады. Позднее Уильям Блейк применил схожую трактовку в своем «Бракосочетании рая и ада», содержащем следующие строки: «Гусеница выбирает лучшие листья, чтобы пожирать их, а священник – наши лучшие радости, чтобы проклинать их». Зачастую гусеница символизирует и пустого, ленивого человека, ведущего паразитический образ жизни.

В СЕРБИИ ПОДПАЛИВАЛИ МОТЫЛЬКАМ КРЫЛЬЯ, ЧТОБЫ РАСПОЗНАТЬ ПО ОЖОГАМ НА РУКАХ ВЕДЬМУ

Куколка – это уже символ более высокого состояния, знак границы между тварным и духовным. Так, индейцы навахо отождествляли куколку бабочки с телом умершего человека, завернутого в погребальное одеяние – эта аллегория символизировала будущее перерождение в лучшем из миров. В христианстве стадии развития бабочки воспринимаются как аллегория души, идущей от греховности к духовному преображению. Гусеница соответствует фазе, когда человек влачит земное существование, куколка – это могила, а полноценная крылатая бабочка – новая жизнь в Царствии Небесном. Нидерландский богослов XVII века Ян Гедарт писал: «Из мертвых гусениц выходят живые животные; так что одинаково верно и чудесно, что восстанут из могилы и наши мертвые и гнилые трупы». Точно так же бабочка символизирует временную смерть и воскресение Христа.

Трансформация гусеницы в бабочку используется христианством и другими религиями и в концепции «второго рождения» – когда у обычного человека еще в течение его земного бытия вдруг открываются духовные очи и он начинает новую жизнь в качестве просветленной личности. К подобной аллегории могут прибегать и литераторы, описывающие психологические метаморфозы человека, идущего от зла к добру. И бабочка же может выступать примером иллюзорности бытия. Эта традиция пошла от древнекитайского мыслителя Чжуан-Цзы, жившего в IV веке до нашей эры. Однажды философ увидел сон, где он был бабочкой, порхающей без привычных человеческих забот. Проснувшись, Чжуан-Цзы глубоко задумался. Ему не давал покоя вопрос: «Я Чжуан-Цзы, которому во сне казалось, что он бабочка? Или, быть может, я бабочка, которой сейчас во сне видится, что она Чжуан-Цзы?»

И спустя две с лишним тысячи лет люди продолжают задаваться вопросом, который впервые озвучил Чжуан-Цзы. Недаром сейчас снова переживают расцвет солипсические концепции, в которых единственной и несомненной реальностью признается лишь собственное индивидуальное сознание. А сон Чжуан-Цзы на свой лад пересказал Виктор Пелевин в романе «Чапаев и Пустота». В его рассказе китайскому коммунисту по имени Цзе Чжуан часто снится, что он красная бабочка, летающая среди травы. И когда коммуниста расстреливают за саботаж, индивидуальному созна-

нию, вообразившему себя Цзе Чжуаном, это не приносит никакого вреда – просто бабочка проснулась и полетела себе дальше.

МАСКА УЖАСА

Но нельзя сказать, что люди воспринимали бабочек исключительно как милых небесных созданий. На самом деле отношение к этим насекомым всегда было двойственным. Дело в том, что красота бабочки всецело связана с ярким рисунком ее крыльев, а вот все остальное выглядит весьма отталкивающе. Великий Эдгар По не красками, но словами нарисовал в рассказе «Сфинкс» ужасающий образ. Герой рассказа видит в окне гигантское жуткое существо, спускающееся с вершины холма, и падает без чувств от страха, а потом оказывается, что это всего лишь бабочка, ползущая по паутине на окне.

Страх вызывал сам статус бабочки, как посредника между мирами: их могли опасаться, как предвестниц смерти. Не всех, но особые разновидности – дикий страх, в частности, всегда вызывал у людей бражник мертвая голова (*Acherontia atropos*), пятна на спине которого образуют подобие человеческого черепа. Опасались и порхающих по ночам мотыльков. В Белоруссии есть сказание о пожилой женщине, которой как-то поздним вечером сел на рукав ночной мотылек. «Смертушка ты моя», – сказала женщина и в ту же ночь умерла. Западные славяне отождествляли некоторых бабочек с демонической «морой», мучающей людей по ночам. «Увидишь первую бабочку белую – умрешь в предстоящем году, красную – будешь жить, но глаза заболят», – гласит поговорка, бытующая в Моравии.

У южных славян связаны собственные опасения – что некоторые бабочки могли быть душами ведьм или вампирами-кровопийцами. В связи с этим в Сербии существовал обычай подпаливать мотылькам крылья, чтобы потом распознать по ожогам на руках ведьму, вернувшуюся в человеческий облик. Порою бабочкам говорили: «Приходи завтра, дам тебе соли». И если на следующий день действительно кто-либо заявлялся с такой просьбой, то просителя отождествляли с прелевавшей ночью злой душой. В Болгарии же верили, что ведьмы способны напускать служащих им больших пестрых бабочек на пасущихся на поле коров – те, мол, лишали животных молока и истощали их.

Этот дуализм восприятия чешуекрылых перекочевал и в современную поп-культуру. В большинстве случаев бабочки в детских мультфильмах – беззаботные прекрасные дружелюбные создания. А вот во взрослой кинокартине режиссера Джона-тана Демми «Молчание ягнят» (1995) бабочка играет зловещую роль. В этом фильме маньяк-убийца кладет в рот своим жертвам куколку упомянутого бражника мертвая голова. В мире Годзиллы одним из монстров-кайдзю является Мотра – колоссальная бабочка, отличающаяся крайне скверным нравом. Можно вспомнить и Убийцу-Мотылька – суперзлодея из комиксной вселенной DC.

Нельзя не упомянуть и такого персонажа городской легенды, тоже ставшего частью поп-культуры, как человек-мотылек. Слухи о нем ходят в США уже на протяжении почти шестидесяти лет. Это жуткое существо, которое, как утверждают, обладает трех-четырёхметровым ростом, красными глазами, черным пушистым телом и огромными крыльями. Соответственно, оно способно летать и обладает агрессивным нравом – нападает на людей, пугая их до полусмерти. Человеку-мотыльку приписывают мистическую способность появляться там, где вскоре произойдет какая-либо трагедия.

Любители конспирологии выдвигают самые разные версии относительно природы человека-мотылька: одни считают его инопланетянином, другие – сверхъестественным существом, демоном, третьи – вырвавшимся на волю результатом генетических экспериментов, проводившихся в секретной государственной лаборатории. Есть люди, которые предполагают, что речь идет о криптиде, то есть животном, до сих пор не известном науке. Скептики, в свою очередь, толкуют о том, что у страха глаза велики, и за сверхъестественное создание могли принять прозаичную сову или цаплю. Есть и такие, кто считает, что первые свидетели человека-мотылька пали жертвой розыгрыша, устроенного неизвестными шутниками, а потом возникшая легенда зажила своей собственной жизнью.

Так или иначе, тема символизма бабочек – поистине неисчерпаемая. Прекрасные посланцы небес и жуткие представители темных сил, прожорливые гусеницы и беззаботные летуны, обладатели роскошных крыльев и крайне неприглядного «лица», они всегда будут привлекать взор и волновать воображение. А, стало быть, символический ряд и связанная с бабочками мифология будут расти и множиться. 🌍